

Федеральная архивная служба России
Научно-методический совет архивных учреждений
Приволжского федерального округа
Государственный комитет Чувашской Республики по делам архивов
Российское общество историков-архивистов

**Информационные ресурсы
Архивного фонда Чувашской Республики
как фактор общественного развития**

**Межрегиональная научно-практическая конференция
18 марта 2003 г.**

Чебоксары - 2003

**ДЕКРЕТ СНК РСФСР ОТ 1 ИЮНЯ 1918 Г.
“О РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ АРХИВНОГО
ДЕЛА В РСФСР” И ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЧАЛА
АРХИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЧУВАШИИ**

*Ткаченко В. Г., заместитель председателя Государственного
комитета Чувашской Республики по делам архивов*

Несмотря на жаркие споры на исходе XX века вокруг Декрета СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. “О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике”¹, нельзя не признать этот документ основополагающим актом, задавшим новый вектор в развитии всего архивного дела России. Вместе с тем было бы неправильным и рассматривать его как некую “волшебную палочку”, от взмаха которой архивное хозяйство огромной страны немедленно приобрело качественно новую форму и содержание. В силу сложившихся исторических условий и стечения обстоятельств он не мог быть всеохватывающим и универсальным. Сама масштабность задачи реформирования огромного архивного наследия Российской империи предполагала необходимость конкретизации отдельных положений декрета, принятие новых законодательных и нормативных правовых документов в его развитие. Но даже их появление еще не означало в то время немедленного и безусловного продвижения архивной реформы на местах. В слишком разных стартовых условиях оказались регионы России в архивной сфере. Именно поэтому опыт архивного строительства в Чувашии интересен, как с точки зрения понимания общих и характерных проблем развития всей архивной отрасли, так и с точки зрения сугубо индивидуальных особенностей реализации реформы в конкретном регионе.

Достаточно давно устоялось мнение, что “организация архивного дела в Советской Чувашии началась вскоре после опубликования декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР “О реорганизации и централизации архивного дела”. С этого утверждения собственно и начинается пока единственное в республике исследование в этой области В. А. Нестерова². Развивая тему первых шагов архивного строительства в Чувашии, автор делает акцент на деятельности в этом направлении прежде всего Симбирского губисполкома. Перечислив предпринятые им усилия по сохранению архивов в Симбир-

ской губернии, В. А. Нестеров в отношении Казанской губернии ограничивается лишь утверждением о том, что “аналогичные меры были приняты” и в ней. Формально такой подход создавал впечатление “триумфального” шествия указанного документа по территории будущей Чувашской Республики.

При этом остается открытым ряд вопросов. Например, почему автором приводятся данные по Симбирской губернии, в то время как ядром будущего национально-территориального образования чуваш стали три уезда Казанской губернии: Цивильский, Чебоксарский и Ядринский, и лишь в 1925 г., в ходе преобразования Чувашской автономной области в республику, к последней перешла часть территории Алатырского уезда из Симбирской губернии? Нет ответа и на вопрос, почему же начало постоянной деятельности архивных учреждений в Чувашии относится лишь к февралю 1923 г., как нет и примеров конкретных мероприятий по реализации декрета на территории Чувашии в хронологический период длиною в целых пять лет.

Что же в действительности происходило на территории республики с момента принятия декрета и до создания Архивного бюро Чувашской автономной области? Что реально предопределило ход развития архивного дела в данном регионе?

Прежде чем приступить к поиску ответов на эти и другие вопросы, необходимо определиться с географическим понятием Чувашия применительно к периоду до 1920 г. Оно подразумевает, как указывалось выше, территории трех уездов Казанской губернии, а также части территорий Буинского, Курмышского и Алатырского уездов Симбирской губернии. Здесь, согласно Всероссийской переписи 1897 г., компактно проживало более 478 тыс. чуваш³.

Из данных этой же переписи можно почерпнуть важные для нашего исследования сведения. Так, она показала крайне низкий уровень грамотности населения России. Не были исключением Казанская и Симбирская губернии, в которых количество грамотных составляло соответственно 18 и 13,6 процентов. При этом исследователями отмечается, что по ее сводным итогам самый низкий уровень грамотности приходился здесь на долю чуваш⁴.

С конца XIX в. в Казанской губернии получила распространение деятельность Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ). Ему принадлежит огромная заслуга в деле изучения

местного края, сборе исторических и этнографических сведений о народах, его населявших. Однако с деятельностью и трудами ОАИЭ на территории с поголовно неграмотным населением был знаком лишь весьма узкий круг интеллигенции. Прошлое края и его народа, а также возможность непосредственного участия в их изучении, оказались недоступными для самого народа, по крайней мере, для подавляющей его части. Это следует признать одним из важных факторов, повлиявших в дальнейшем на ход развития архивного дела в Чувашии.

Кроме того, область научных интересов ОАИЭ носила ярко выраженный историко-этнографический характер, что, в общем, закономерно для территории с многонациональным населением. По своему характеру деятельность общества была в большей степени близка музейной работе, чем архивной.

В то же время пока мы не располагаем свидетельствами о глубоком воздействии губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) на характер выявления, собирания и публикации документальных памятников по истории чувашского края. Нельзя отрицать факт их влияния не только на теоретические и практические вопросы отечественного архивного дела, но и общественное отношение к архивам. В силу определенных обстоятельств деятельность архивных комиссий в Казанской и Симбирской губерниях началась сравнительно поздно. В то время, как в целом по России ГУАК стали создаваться с 1884 г., Симбирская архивная комиссия приступила к работе в 1895 г.⁵, а Казанская – только в феврале 1917 г.⁶

К сожалению, несмотря на отдельные попытки выявления, изучения и издания письменных памятников немногими представителями местной интеллигенции и духовенства⁷, в целом в названных выше уездных центрах отсутствовали глубокие традиции архивной деятельности.

Более того, в Казанской губернии еще задолго до революционных событий 1917 г. сложилась не совсем благоприятная обстановка с сохранностью архивных документов. Так, учредители открытого в октябре 1917 г. в Казани Северо-Восточного этнографического и археологического института отмечали: «В последние десятилетия замечается сильное исчезновение памятников древностей. [...] Что касается до архивного материала, то он также находится не в лучшем состоянии. Сколько сгнивает важных исторических документов, оставаясь неизвестными для ученых? А сколько их

продается как ненужный хлам?»⁸. И это мнение разделяли люди отнюдь не случайные в науке! В числе активных организаторов института были виднейшие ученые – С.П.Покровский, М.В.Бречкевич, Н.Н.Фирсов, Б.Ф.Адлер, Н.И.Ашмарин и др.⁹

Таким образом, сложившиеся на территории Чувашии в предреволюционный период объективные условия в целом не способствовали формированию широкого общественного отношения к архивам, как к ценнейшим памятникам исторического прошлого.

Политические потрясения 1917 г. с еще большей остротой поставили вопрос о сохранности местных архивов. После падения царизма здесь, так же как и по всей России, развернулось острое противостояние левых политических движений, опиравшихся в основном на крестьянство и слои разночинной городской интеллигенции, и органов Временного правительства. Последние, сдерживая все более усиливавшееся недовольство проводимой правительством политикой, пытались предотвратить погромы помещичьих усадеб и государственных учреждений. Именно в этот период отмечены случаи гибели ценных архивных документов. Так, Казанская губернская продовольственная управа в своем письме от 18 августа 1917 г. сообщала казанскому губернскому комиссару о попытках поджога крестьянами Кошелевской волости Цивильского уезда казенного дома в Тобурдановской даче и дома присяжного поверенного А.П. Эрахтина¹⁰. Позднее, 15 сентября того же года, козьмодемьянский уездный комиссар сообщал в телеграмме на имя губернского комиссара об убийстве крестьянами Татаркасинской волости председателя продовольственной управы и полном уничтожении документов последней¹¹.

Весьма показателен в этом смысле акт, составленный 5 августа 1920 г. Хомбуть-Батыревским волисполкомом Буинского уезда, в котором указывалось, что «архив, находящийся при исполкоме, как по доказательству членов Совета и посторонних, уничтожен в начале революции 1917 года весь окончательно и ко дню осмотра оказалось лишь обрывки бумаг. Дела, книги уничтожены до 17 года все как есть по вине неизвестной чьей»¹². Подобные примеры, к сожалению, не были единичными. О гибели большей части архива «в дни февральской революции» сообщал в 1923 г. Архивному бюро Чувашской АО Хормалинский волисполком Батыревского уезда¹³.

С победой большевиков в ходе Октябрьского вооруженного восстания сразу же возник вопрос о необходимости слома старого государственного

аппарата и новом государственном строительстве. Из-за отсутствия достаточного количества грамотных и опытных работников Советская власть на местах вынуждена была прибегнуть к помощи представителей земств и бывших служащих местных государственных учреждений царской России. Объективно это обеспечивало преемственность в работе с документами и, очевидно, давало в какой-то степени возможность уберечь архивы местных царских учреждений, доставшихся “в наследство” Советам, от полного уничтожения.

Так, 14 ноября 1917 г. Чебоксарский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выступил с обращением к населению, в котором, в частности, указывалось: “Все организации и органы самоуправления остаются на местах и продолжают свою деятельность. Комиссары Временного правительства упраздняются, и все дела переходят крестьянской секции Совета”¹⁴. В своем решении от 24 января 1918 г. Алатырский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов отмечал: “Для большей авторитетности в народных массах Совет приглашает в свою среду представителей земского и городского самоуправления и демократических организаций...”¹⁵. В наказе делегатам, избранным от Чувашско-Сорминской волости Цивильского уезда на IV Казанский губернский съезд крестьянских депутатов указывалось: “Земство должно представлять из себя отдел Советов”¹⁶.

Хотя советским органам приходилось сталкиваться с уклонением от контактов с новой властью, иногда прямым отказом или саботажем, в целом на территории Чувашии не отмечалось столь ярко выраженного антагонизма в отношениях между Советской властью и интеллигенцией, как это было, например, в Петрограде и Москве. Однако вскоре положение изменилось. Весной 1918 г., в соответствии с директивой НКВД РСФСР от 24 января (6 февраля) 1918 г., согласно которой при наличии Советов “земским и городским самоуправлениям не должно быть места”¹⁷, началась кампания по ликвидации всех еще действовавших к тому времени старых учреждений и установление полновластия Советов. Этот процесс сопровождался не только переходом полномочий и функций указанных учреждений в ведение органов советской власти различных уровней, но и передачей документальных комплексов, сложившихся за период их деятельности.

В марте 1918 г. накануне массовых выборов в волостные и сельские Советы ВЦИК подготовил и разослал во все губернии “Инструкции [по]

организации Советской власти на местах”, которые были опубликованы в печати. Один из пунктов гласил: “Исполнительному комитету волостной Совет крестьянских депутатов должен дать следующий наказ: а) принять по описям все имущества, дела, деньги и документы от земск., продовольствен. и земельн. управ; б) распустить – упразднить все старые учреждения волости, как-то: земства, продовольственный и земельный комитеты и их управы [...]”¹⁸. Подобный подход можно только приветствовать, если бы данный документ не содержал в конце весьма красноречивую оговорку: “Настоящую инструкцию не надо считать чем-либо обязательным или навязанным сверху, а применять ее добровольно и исключительно как подсобное руководство, которое волостные Советы могут по своему усмотрению изменять, дополнять или отвергать”¹⁹. Не трудно представить, какие последствия могли иметь подобные “рекомендации” для судебных архивов.

Данное обстоятельство еще более усугублялось частой сменой состава местных Советов, имевших в то время трехмесячный срок полномочий. Следует признать, что в тяжелейших военно-политических и экономических условиях того времени сложный процесс нового государственного строительства, основывавшийся на широком привлечении к управлению народных масс (в своем большинстве мало или совсем неграмотных), не лучшим образом сказывался не только на сохранности дореволюционных архивов, но и документов делопроизводства вновь созданных учреждений.

Вот лишь несколько примеров. Осенью 1918 г., в соответствии с инструкцией Чебоксарского Совета по организации комитетов деревенской бедноты и проведению хлебной монополии, “все дела волостных продовольственных отделов, а равно и их канцелярии со штатом служащих, если последние будут соответствовать своему назначению” передавались создаваемым волостным комитетам деревенской бедноты²⁰. Однако ни один фонд комитета бедноты на хранение в государственные архивы республики так и не поступил!

Царивший произвол в отношении документов текущего делопроизводства и архивов наглядно демонстрирует и такой факт. По сведениям Шамкинского волысполкома Цивильского уезда “весь архив по 1920 год включительно” был расхищен бывшим секретарем волысполкома Афанасьевым. Уникальный случай – за это он был приговорен народным

судом 2-го участка Батыревского уезда к лишению свободы сроком на один год!²¹

Интересна в этой связи оценка сложившейся ситуации, данная очевидцем. Один из организаторов Северо-Восточного этнографического и археологического института в Казани, профессор М.В.Бречкевич писал: "...В первое время архивы были предоставлены их собственной судьбе: ни власть центральная, ни власть местная в судьбу архивов не вмешивалась и ею не интересовалась... От небрежности и нерадения документы подвергались порче, присвоению, продаже, уничтожению... Архивы ... с документами, имеющими отношение к современной политике ... совсем почти разобраны по рукам и исчезли. Архивы ... неинтересные с точки зрения жизненной политики или прямой выгоды, в большинстве случаев сохранились, но не всегда в прежнем виде: перемещение служащих, перемещение и самих учреждений, нужда в тех помещениях, которые были заняты архивами, а главное – уничтожение тех учреждений, в которых находились архивы – все это не могло не отразиться на степени сохранности архивов"²².

Не последнюю роль в судьбах архивов на территории Чувашии сыграла начавшаяся гражданская война и иностранная военная интервенция. В августе 1918 г. боевые действия перекинулись на территорию Чувашии, юго-восточная часть которой оказалась в руках белогвардейцев. Теперь уже политические оппоненты большевиков громили советские учреждения и сжигали их документы. Страдали от этого и дореволюционные архивы, хранившиеся вместе с текущим делопроизводством местных Советов. Так, по данным Ибресинского уисполкома архивы Ново-Шимкусского, Мало-Яльчиковского, Шихирдановского, Муратовского, Больше-Батыревского и Шемуршинского волисполкомов "были расхищены и сожжены белогвардейскими бандами"²³.

Таким образом, можно констатировать, что в 1917 – первой половине 1918 гг. на территории Чувашии реальных мер по охране архивов предпринято не было. Оценивая ситуацию, сложившуюся в этот период в целом по России, один из деятелей Главного управления архивным делом (ГУАД) А.Изюмов отмечал: "[...] В провинции конец 1917 и начало 1918 года были темной полосой в существовании архивов, последствия чего сохранились до настоящего времени"²⁴, т.е. как минимум до 1921 г. Сказанное в полной мере можно отнести и к территории Чувашии.

Что же изменилось с принятием декрета от 1 июня 1918 г. “О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике”, который должен был положить конец архивному безвременью в стране?

История и обстоятельства его принятия, а также отдельные положения этого документа освещены в литературе достаточно подробно²⁵. Для нас важно определить, что он представлял собой в организационном и практическом плане, как основа для начала архивного строительства на периферии.

К организационно-правовым положениям декрета следует отнести пункты 1, 2, 7–12²⁶. Первые два из них юридически закрепляют образование Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) и создание единого органа управления этим фондом – Главного управления архивным делом (ГУАД). Остальные пункты предусматривают объединение отдельных частей ЕГАФ “по принципу централизации” (п.7), ведомственную подчиненность ГУАД Народному комиссариату просвещения РСФСР (НКП РСФСР) на правах “особой части” (п.8), порядок назначения на должность заведующего ГУАД, его права в виде членства в коллегии НКП и возможности непосредственного доклада “Центральному правительству” (п.9), отмену всех ранее изданных “декретов и постановлений об организации архивного дела в России” (п.11) и финансовое обеспечение деятельности ГУАД (п.12).

Вместе с тем, обращает на себя внимание и определенная незавершенность положений декрета. Не трудно убедиться, что для развития архивного дела на местах он не содержал никаких указаний. Так, из текста следует, что ГУАД заведует ЕГАФ, т.е. осуществляет прямое и непосредственное управление этим документальным массивом без каких-либо промежуточных звеньев. В документе нет указаний и на создание сети архивных учреждений по всей территории России²⁷. Эта важнейшая с организационной точки зрения норма лишь угадывается в пункте 10: “Положение о Главном управлении архивным делом и подведомственных ему областных управлениях будет издано дополнительно”. Только 31 марта 1919 г. появился декрет СНК РСФСР “О губернских архивных фондах. (Положение)”²⁸, который вводил понятие “особый единый губернский архивный фонд” и предусматривал должности заведующих губернскими архивными фондами, назначение на которые осуществлял ГУАД.

Не был он безупречен и в плане постановки практической работы. Так, декрет содержал положения, призванные обеспечить такую деятельность архивных учреждений, как комплектование и использование архивных документов. При этом главное острие данного правового акта было направлено против сложившихся в России глубоких традиций ведомственного хранения архивов (пп.3-5). И лишь один пункт касался использования документов, причем в виде выдачи справок заинтересованным ведомствам (п.6). Ни о каком научном использовании или хотя бы публикации документов пусть даже в политических целях, в чем были заинтересованы большевики, речи не шло. Кроме того, вне поля зрения декрета осталась такая важная составляющая, как организация хранения архивных фондов (обеспечение сохранности и учет). Будет не лишним отметить, что и упомянутый выше декрет от 31 марта 1919 г. также обошел стороной «способы охраны архивов по уездам». Причем это отмечалось еще современниками²⁹.

Конечно, эти недостатки компенсировались по мере появления новых нормативных правовых документов в области архивного дела. Но каждый день, месяц, год затягивания решения организационных вопросов архивного строительства на периферии был чреват серьезными потерями. Лишь к концу 1922 г. была создана необходимая правовая база для более или менее организованной деятельности сети архивных учреждений на всей территории России. Однако и это еще не означало реального воплощения идей архивной реформы в провинции, «где зачастую даже не слышали о бесчисленных декретах, указах, распоряжениях, постановлениях центральной власти»³⁰. Более того, по мнению Т.И.Хорхординой «целый «залп» декретов» 1919 года, дополненный «собственными глав-архивовскими документами», свидетельствовал не о силе, а о слабости центральных органов власти»³¹.

Что мог вообще противопоставить царившему тогда хаосу и произволу различных ведомств молодой архивной орган России? Небезынтересно в связи с этим обратиться к очерку деятельности ГУАД за 2 года его существования, предпосланном первой публикацией нормативных правовых актов по архивному делу. Его автор – уже упоминавшийся выше старший инспектор управления А.Изюмов – составил его на основе различных опубликованных материалов. «Перестройка всех правительственных учреждений, – указывает Изюмов, – поставила архивы, в

особенности ведомственных учреждений, в еще худшие условия". "Новые люди, которые вступили в покинутые учреждения, – цитирует он далее крупнейшего историка, петроградского профессора А.Е.Преснякова, – были враждебны, по крайней мере, равнодушны ко всякой исторической традиции и обычно весьма далеки от сознательного, культурного отношения к документам прошлого. Архивные фонды казались им никому ненужным бумажным хламом, который понапрасну загромождает помещение, получившее новое назначение, попусту занимает шкафы и полки, которые могут еще пригодиться. Дела, бумаги, описи выбрасывались в беспорядке из комнаты в комнату, из этажа в этаж, в коридор, а то и во дворы. В тех – еще лучших – случаях, когда документы не подвергались опасности уничтожения, а только перемещались, делалось это нетерпеливо, небрежно, наспех... И там, где архивы и документы остались на прежнем месте, они месяцами оставались без надзора, и поскольку ими пользовались для справок новые учреждения, без правильного учета их движения и возврата". Далее Изюмов заключает: "Громадное большинство архивов осталось в бесхозяйственном состоянии. Между тем, центральным ведомством не было дано никаких указаний, и не было никаких средств к спасению архивов в провинции"³².

Не спасала положение архивов на территории Чувашии и попытка ГУАД наладить работу по их выявлению и охране через местные научные и общественные организации. В июле 1918 г. директор Казанского Северо-Восточного археологического и этнографического института С.П.Покровский получил удостоверение за подписью заведующего ГУАД Д.Б.Рязанова, уполномочивавшего его заниматься проблемами "охранения архивов губернии". С этой целью совет института создал специальную комиссию из числа своих ведущих профессоров и преподавателей. Однако ей не суждено было развернуть свою работу из-за начавшихся боевых действий на территории Казанской губернии. Тем не менее коллегия ГУАД 15 ноября 1918 г. вновь подтвердила полномочия института как единственной организации, представляющей центральный архивный орган России в здешнем крае.³³

К сожалению, возможности этого учебного и научного центра оказались ограничены. "Институт считал себя только хранителем архивных сокровищ, доверенных ему благодаря стечению обстоятельств, на время..." так охарактеризовал его позицию в вопросах архивного дела М.В.Бречкевич³⁴.

Сосредоточив свои усилия на архивах Казани, институт не имел возможности развернуть работу в масштабах всей губернии. По данным исследования, проведенного З.В.Крайской на основе документов архивного фонда ГУАД, в 1919–1920 гг. практически во всех уездах Казанской губернии “архивы были в хаотическом состоянии в плохих помещениях”³⁵.

Отсутствие управляемости и средств на местах можно дополнить еще и “недостатком знающих работников”. И в этом, в какой-то степени, оказалось повинным ГУАД. На этом также заострил свое внимание А.Изымов: “Главное управление Архивным Делом, организованное декретом 1 июня, как Центральное Учреждение, было целиком выделено из Наркомпроса. Естественно, что и организация Губархивов пошла несколько отлучно от других местных учреждений. Особенности архивной работы заставляли сначала может быть чересчур сильно централизовать архивное строительство”³⁶.

Это стремление к самостоятельности, которое будет окончательно закреплено декретом ВЦИК от 30 января 1922 г. “Положение о Центральном архиве РСФСР”, на деле означало не столько “чересчур сильную централизацию”, сколько фактическую самоизоляцию архивных органов, в первую очередь в провинции. Не случайно А.Изымов далее подчеркивает: “Вследствие этого на местах иногда создавались не вполне нормальные отношения между Губархивами и местными Отделами Народного образования или местными Губисполкомами”³⁷. Но ведь именно в органах народного образования были в основном сосредоточены все силы местной интеллигенции, способной оказать помощь в проведении архивной реформы!

В конечном итоге такая самостоятельность в центре обрекала на изоляцию архивного дела на периферии. При этом ГУАД не способно было в тот момент помочь местным архивным органам ни организационно, ни материально, ни, тем более, кадрами.

Таким образом, накануне образования Чувашской автономной области, на территории края сложилась весьма неблагоприятная обстановка с сохранностью архивных документов.

Что же изменилось с появлением на карте России нового национально-территориального образования?

Вопрос о необходимости собирания и охраны архивов в Чувашии возник вскоре после образования в июне 1920 г. Чувашской автономной области. Так, уже в июле Ревком Чувашской АО столкнулся с проблемой приема

в свое ведение “дел и имущества волостей, вошедших в область”. Наравне с финансами и имуществом приему подлежали “все делопроизводство, счетоводство и отчетность, относящиеся к сему имуществу, и весь статистический материал, касающийся земель, лесов и населения присоединяемых волостей”³⁸.

Проходивший в Чебоксарах 7–11 ноября того же года I съезд Советов Чувашской АО утвердил структуру органов власти нового национально-территориального образования, а 12 ноября II Всероссийский съезд Советов среди чуваш по докладу о деятельности Чувашского отдела при Народном Комиссариате по делам национальностей РСФСР принял, по сути, целую программу деятельности отдела, которая имела отношение и к архивам. Так ею, в частности, предусматривалось: “м) Собрание материалов по народной словесности, искусству, музыке, а также исторических материалов путем расспросов, раскопок и т.д. н) Собрание и разработка статистического материала, относящегося ко всем сторонам чувашской жизни, в особенности по народному просвещению и хозяйству чуваш”³⁹.

Очень скоро органы власти молодой автономной области предприняли определенные попытки по реализации этих задач. Так, 31 января 1921 г. Президиум исполнительного комитета Чувашской АО заслушал заведующего областным статистическим отделом Иванова, который призвал облисполком принять “меры к охране всех находящихся в области архивов”. Свою озабоченность по поводу сохранности архивных документов он мотивировал тем, что “в них находится много материалов, ценных в статистическом отношении”. В связи с этим областному отделу народного образования было поручено “разработать вопрос об охране архивов” и подготовить соответствующий доклад для обсуждения на Президиуме⁴⁰. Важно подчеркнуть – формально отделу не давалось указания о создании специального архивного органа. Очевидно предполагалось, что он сам должен был решить данный вопрос и, при необходимости, внести соответствующее предложение. Как показали дальнейшие события, эта неопределенность дорого обошлась архивам Чувашии.

В конце марта 1921 г. коллегия областного отдела народного образования заслушала доклад заведующего статистическим подотделом Харлампиева, который, в частности, сообщил: “Собраны сведения по учету архивов”⁴¹. Однако на том дело и застопорилось. Лишь 4 октября того

же года облоно принимает решение об образовании областного управления по делам архивов и назначает его руководителем по совместительству председателя научно-экономической комиссии при облисполкоме Д.П.Петрова⁴². Одновременно вновь назначенный заведующий был введен в состав членов коллегии отдела народного образования Чувашской АО⁴³.

Но и эта мера никак не повлияла на дальнейшее развитие архивного дела. Меньше чем через два месяца после создания управления по делам архивов оно было объединено с управлением по делам музеев в единое управление по делам музея и архива областного отдела народного образования "ввиду сравнительно небольшого объема и близкого сходства работы"⁴⁴. Тогда же, в ноябре 1921 г., сменился и руководитель архивного органа – им стал Сапожников⁴⁵.

Таким образом, по прошествии более года с момента образования Чувашской автономной области архивное строительство в Чувашии стало пробуксовывать. Более того, положение архивов оказалось крайне плачевно – их гибель носила массовый характер. Так, областная газета "Известия" в одном из последних номеров уходящего 1921 г. опубликовала весьма красноречивую корреспонденцию "Нужно остановить"⁴⁶. В ней указывалось: "За последние годы во многих учреждениях как то: в исполкомах, в школах и т.д. наблюдается бессознательное уничтожение старых рукописей, газет и других ценных исторических материалов, наличие которых во многом способствовало бы изучению исторического прошлого темных уголков Чувашобласти. Многие архивы уже расклеены по стенам домов некоторых членов волисполкомов и других должностных лиц. Нужно принять те или иные меры к изоляции архивных ценностей"⁴⁷.

В этой ситуации областной отдел народного образования, ответственный за организацию архивной работы, фактически бездействовал. В своем отчете о работе облоно за 1921 г. его заведующий И. Яштайкин в части, касающейся архивной деятельности, признавал: "Работа здесь дальше разрешения вопросов чисто организационного характера не пошла. Одним из главных тормозов явилось отсутствие подходящего помещения, и, несмотря на все меры, принятые сотрудниками этого органа, вопрос с помещением стоял на точке замерзания"⁴⁸.

Более того, в январе 1922 г. была проведена реорганизация структуры и сокращен штат отдела. Числившийся завобархивом Сапожников был

назначен заведующим информационно-инструкторским отделением⁴⁹. С этого момента и до конца года сведений о существовании и деятельности какого-либо архивного учреждения в области обнаружить не удалось.

Подобное промедление с организацией архивного органа выглядит, по меньшей мере, странным на фоне достаточно ярко выраженного общественного интереса к истории Чувашии, а также все более ощущавшейся потребности местной власти в ретроспективной информации.

Так, еще 9 ноября 1920 г. I съезд Советов Чувашской АО принял постановление о создании в Чебоксарах Центрального чувашского музея с филиалами в городах и крупных населенных пунктах области⁵⁰. Не осталась в стороне от дела изучения прошлого чувашского края и коллегия отдела народного образования Чувашской АО, которая 11 января 1921 г. приняла решение о срочной организации в области курсов “по изучению краеведения и чувашского языка”⁵¹, и уже 18 января утвердила положение об этих курсах⁵². Меньше чем через месяц – 13 февраля – в Чебоксарах открылся Чувашский национальный музей⁵³. Под влиянием всеобщего энтузиазма, царившего в Чувашии в деле культурного подъема, в Казани создается центральная пролетарская организация учащихся-чуваши, ставившая перед собой задачи изучения языка, литературы, истории, археологии, этнографии, экономического состояния чувашского народа, пополнения экспонатами национального музея, развития искусства⁵⁴.

Наконец, 17 апреля 1921 г. в Чебоксарах на торжественном собрании представителей партийных и советских органов, учебных заведений состоялось открытие Общества изучения местного края, в которое в этот же день записался 51 человек⁵⁵. Среди его членов были руководители области Д.С. Эльмень и С.А. Коричев.

Определенный интерес к изучению письменных источников проявляли и местные органы власти. Так, 18 апреля 1921 г. бюро Чувашского обкома РКП(б) принимает решение “Об образовании комиссии по сбору материалов по истории нашей партии и революционного движения в пределах области”⁵⁶. 27 июля того же года Президиум облисполкома Чувашской АО принял решение об организации временной научно-экономической комиссии при исполкоме для исследования экономического состояния области, выявления и собирания в архивах бывших правительственных и земских учреждений, научных

организаций материалов по экономике области, издания научных трудов и т.д.⁵⁷ В октябре 1921 г., когда область уже испытывала серьезные трудности с продовольствием в связи с начавшимся в Поволжье страшным голодом, Президиум облисполкома решает приобрести научные труды Н.И.Ашмарина “по вопросам языка, народной словесности и чувашских древностей” для последующего их издания в автономной области⁵⁸. То есть речь фактически идет о покупке архива ученого. Вслед за этим и областной отдел народного образования заключает договор с профессором Казанского университета В.Ф.Смолиным на приобретение его научных трудов по истории Камско-Волжской Болгарии с целью их издания в автономной области⁵⁹.

В чем же причины столь странного промедления в вопросе о сохранении документального наследия прошлого? Простого и однозначного ответа здесь, очевидно, быть не может, но наиболее вероятные причины именно такого развития событий обозначить все же можно.

Прежде всего, не последнюю роль в этом вопросе могло сыграть отсутствие в целом опыта государственного строительства и организаторской работы. Весьма красноречивую характеристику сложившейся обстановке дал один из первых руководителей архивного органа Чувашии А.П.Прокопьев: “Чувашская автономная область образовалась в 1920 году. Ей, как новой административной ед[и]нице все учреждения в областном приходилось организовывать, можно сказать, на пустом месте, т.к. в Чебоксарах, как в бывшем уездном городе, не было ни одного учреждения и организации, опыты которых можно бы было использовать в масштабе новообразованной административной ед[и]ницы”⁶⁰.

В числе важных причин необходимо выделить и серьезные трудности с обеспечением кадрами. С момента своего образования Чувашская автономная область испытывала острый дефицит служащих для государственных учреждений. О том, насколько остро стояла эта проблема в то время, свидетельствует Декларация I Чувашского областного съезда Советов от 8 ноября 1920 г., в которой съезд определил в качестве одной из главных своих целей “*решительное и принудительное (курсив мой – В.Т.)* привлечение знающей чувашский язык интеллигенции к активному участию и содействию чувашским массам в их работе по советскому и культурному строительству”⁶¹. Найти же специалиста в области архивного дела было тем более проблематично.

Возможно, определенную роль сыграл и тот факт, что в момент принятия декрета о реорганизации и централизации архивного дела Чувашия еще не выделилась в самостоятельную административно-территориальную единицу, а перекинувшиеся летом 1918 г. на ее территорию военные действия отодвинули на второй план все вопросы, не связанные с отпором белогвардейскому наступлению. Именно поэтому с образованием автономной области необходимых документов для решения задач по налаживанию архивного дела в распоряжении вновь созданных органов власти не оказалось.

В пользу данного предположения говорит, в частности, письмо Главного управления архивным делом Наркомата просвещения РСФСР, направленное 26 марта 1921 г. в адрес областного отдела народного образования, в котором указывалось: «На телеграмму № 287 Главархив уведомляет, что выработанный проект положения о взаимоотношениях между Главархивом и архивными учреждениями автономных республик ныне находится в стадии утверждения его в законодательном порядке. При сем препровождается, для сведения Отдела, один комплект декретов, инструкций и циркуляров по архивному делу с описью их»⁶². К письму был приложен список из 40 нормативных правовых документов⁶³.

Однако отсутствие у местных властей нормативных документов, необходимых для начала архивного строительства, в качестве одной из сдерживающих причин можно признать лишь отчасти. Казалось бы, после получения необходимых материалов, тем более после обнаружения 14 июля 1921 г. декрета ВЦИК «О взаимоотношениях между Главным Управлением Архивным Делом и архивными учреждениями автономных республик»⁶⁴, можно было начать организационную работу по налаживанию архивного дела. Тем не менее, вслед за этим не последовало ровным счетом ничего. Ни 1921, ни 1922 гг. не стали переломными для судеб архивов Чувашии.

Каковы причины такого развития событий? Возможно, объяснение этому странному факту кроется в несовершенстве действовавшего в то время законодательства. Так, первым пунктом декрета от 14 июля 1921 г. предусматривалось создание центральных управлений архивным делом в существовавших и вновь образуемых автономных республиках. Согласно второму пункту «администрация архивных учреждений автономных республик *назначается местной правительственной властью и подчиняется ей на общих основаниях (курсив мой – В.Т.)*»⁶⁵. Исходя из

этого, областной отдел народного образования мог считать себя формально освобожденным от обязанностей по налаживанию архивного дела в Чувашской АО. Но и облисполком не отменял свое поручение ему заниматься этим вопросом. Более того, как уже было отмечено, в октябре–ноябре 1921 г. отдел предпринимает попытки организовать архивный орган в своей структуре, а по итогам 1921 г. даже отчитывается в своей работе по этому направлению деятельности перед облисполкомом, т.е. формально продолжает демонстрировать высшему органу власти свои усилия в этой области.

В то же время сам облисполком продолжает игнорировать не просто указания или директивы, а законодательные акты, изданные ВЦИК! Причем делает это неоднократно. Оставив без последствий решение вопросов, предусмотренных декретом от 14 июля 1921 г., он также не реагирует на декрет ВЦИК от 30 января 1922 г. “Положение о Центральном архиве РСФСР”⁶⁶, пункт 13 которого гласил: “Губернские (областные) отделы Центрархива РСФСР являются отделами губернских (областных) исполнительных комитетов, подчиняясь директивам Центрархива по вопросам архивного дела”⁶⁷.

Причина столь вопиющей неисполнительности местной власти станет понятной, если рассмотреть перечисленные документы с точки зрения финансирования деятельности местного архивного органа. Так, в декрете о взаимоотношениях ГУАД с архивными учреждениями автономных республик говорится о назначении администрации архивных учреждений республик “местной правительственной властью”, которой она подчиняется “на общих основаниях”. “Во всем, что касается технического управления архивами, – указывается в документе, – она подчиняется инструкциям и указаниям Главного управления архивным делом РСФСР, с которым она по указанным техническим вопросам может сноситься непосредственно”⁶⁸. При этом декрет обходит стороной вопросы финансирования местных архивных учреждений. А облисполком, не располагая средствами на эти цели, не мог самостоятельно взять на себя содержание еще одного органа исполнительной власти в условиях, когда расходы не только жестко контролировались, но и всячески урезались центром!

Казалось бы, эта проблема должна была разрешиться с выходом в январе 1922 г. положения о Центрархиве РСФСР, в котором четко указывалось: “Губернские отделы Центрархива РСФСР, являясь учрежде-

ниями общегосударственного значения, на все нужды своей деятельности снабжаются денежными средствами за счет ассигнований по смете Центрархива”⁶⁹. Такой подход вполне устраивал местную власть, т.к. именно в этот период Чувашская АО как никогда испытывала серьезные трудности в связи с денежным дефицитом⁷⁰.

Небезынтересно в связи с этим будет привести следующий факт. Некоторые участники заседания расширенного пленума облисполкома, проходившего в апреле 1922 г., предлагали сократить этот дефицит “в первую очередь за счет Обоно”, расходы на содержание которого составляли 50 процентов расходной части бюджета области⁷¹!

В таком контексте становится понятной логика поведения облоно, которое, осуществив в январе 1922 г. реорганизацию и сокращение своих штатов, устраняется от проблем архивного строительства. Причем происходит это по мотивам вполне оправданным – сокращение бремени расходов на содержание одного из самых затратных в то время, с точки зрения бюджета, органа власти.

После названного январского декрета ВЦИК возражений по поводу такого сокращения со стороны облисполкома не последовало. Вероятно он надеялся на соответствующие субсидии из центра. Однако свидетельств о поступлении таких средств по линии Центрархива на создание архивного органа в Чувашии обнаружить не удалось.

Кроме проблем объективного характера, вытекавших из социально-экономических и прочих особенностей развития России и Чувашии того периода, существовали и сугубо специфические.

Так, в деятельности местных областных учреждений, имевших отношение к культуре и образованию, с самого начала прослеживается явный крен в сторону развития музейного дела. При этом предпочтение отдается археологическим и этнографическим изысканиям. Так, в экономически тяжелый для Чувашской АО 1921 г. областной отдел народного образования и Центральный чувашский музей организовали сразу две археологические экспедиции во главе с профессором Казанского университета В.Ф.Смолиным – в Пиляры и Сувары и в район с. Абашево. Причем последняя проходила в октябре месяце, когда область испытывала серьезные продовольственные проблемы⁷². Именно ей мы обязаны открытием абашевской первобытной культуры. Подобная тенденция в научных приоритетах характерна и для последующего времени.

Весьма показательны в этом смысле выступления одного из деятелей чувашского общества изучения местного края М.П.Петрова на первой всероссийской краеведческой конференции, в котором он указывал: «Со стороны местной власти Общество встречает *внимательное и, можно сказать, сочувственно-предупредительное отношение* (курсив мой – В.Т.) во всех своих начинаниях и предложениях. На субсидии Областного Исполкома приобретено почти все богатство Музея, устроены экспедиции»⁷³.

Такой «крен» отчетливо прослеживается и в налаживании деятельности созданного в октябре 1921 г. в структуре облоно специального архивного подразделения. Иначе трудно объяснить тот факт, что после объединения управлений по делам архивов и по делам музеев распределение штатной численности сотрудников во вновь созданном управлении оказалось не в пользу архивной работы. В музейном подотделе состояли 1 заведующий и 2 научных сотрудника, в подотделе архива – лишь заведующий и секретарь⁷⁴. И это несмотря на то, что Декрет СНК РСФСР «О губернских архивных фондах» от 31 марта 1919 г. «в зависимости от размеров архивных фондов и текущей работы над ними» устанавливал штат в 8–11 человек⁷⁵.

Кроме того, имела место и недооценка научно-исторической значимости архивных документов на уровне массового общественного сознания. Так, уже упоминавшийся А.П. Прокопьев в своем докладе Президиуму облисполкома отмечал: «До организации Архивного Бюро в Чувашской Автономной области, можно сказать, не было ни одного лица во всей области, который бы думал и сознавал за собой ответственность за сохранность архивных материалов в пределах Автономной Чувашской области»⁷⁶.

Возможно такая оценка несколько преувеличена, но подобное отношение к старым архивам было обусловлено следующими причинами. Во-первых, главную роль здесь играла позиция руководства Центрархива РСФСР в лице М.Н.Покровского и В.В.Адоратского, считавших историко-революционные материалы и документы послереволюционного периода главным объектом внимания советских архивистов. В их понимании архивный документ воспринимался сквозь призму не только его научной, но и политической значимости. Во-вторых, на уровне массового сознания это было вызвано уже отмечавшимся в литературе явлением, суть которого сводилась к следующему: «Вчерашний день мгновенно стал историей, но историей чуждого мира. У мира, который возникал, истории еще не было – она творилась в настоящем и тут же становилась объектом изучения и

анализа. Поэтому бесспорно важным становился документ, создаваемый сегодня и фиксирующий факты текущего дня или самого близкого прошлого, еще не отличимого от настоящего”⁷⁷.

Этому есть документальные подтверждения и в Чувашии. Так, в январе 1921 г. коллегия подотдела искусств областного отдела народного образования приняла постановление об оборудовании специальной фотолаборатории и организации съемок памятников архитектуры Чебоксар, оригинальных театральных постановок, съездов, конференций и других событий, имеющих историческое значение”⁷⁸.

Но наиболее ярким свидетельством является циркулярное письмо областного отдела народного образования “Всем работникам просвещения и социалистической культуры Автономной Чувашской области”, разосланное в июне 1921 г. Этот документ, растиражированный в количестве 1500 экземпляров, заслуживает того, чтобы процитировать его полностью:

“Дорогие товарищи!

Задушив буржуазию, разбив цепи векового рабства и захватив власть в свои руки, пролетариат взялся за строительство коммунистической жизни.

В деле социалистического строительства, как во всяком деле вообще, громадное значение имеет правильно поставленная информация.

Всякий честный гражданин Советской России, если он не является врагом социальной революции, не может и не должен проходить мимо тех явлений жизни, свидетелем которых он является.

Его долг перед Советской Россией и молодым поколением – события повседневной жизни сделать достоянием истории.

Для этого каждый гражданин, умеющий сколько-нибудь писать, должен записывать все, что он находит полезным, целесообразным и важным, как для данного момента, так и для последующего времени.

События повседневной жизни писать следует кратко, сжато, с фактическими данными, без прикрас и выводов: если же выводы необходимы, то их следует делать обдуманно, объективно и беспристрастно.

То, что для нас не представляет интереса, проходит мимо нашего внимания и является с нашей точки зрения как бы маловажным, – для последующего времени явится неисчерпаемым историческим материалом, который ляжет в основу научного изучения величайшей в истории человечества эпохи, эпохи создания социалистической культуры и Коммунистического государства.

Собирание такого ценнейшего материала, как культурного наследия для последующего поколения, является делом, прежде всего, работников просвещения, как лиц, имеющих возможность не только наблюдать за событиями повседневной жизни, но зафиксировать их письменно.

Все записанное можно и нужно направлять местному – уездному – корреспонденту Телеграфного Агентства (РОСТА) или же непосредственно в областное отделение его (Чувроста), по адресу: Чебоксары, М-Советская улица, д. Совдепа № 19.

Каждое принятое для печати и неопровержимо официальное сообщение оплачивается,

Завоботнароб

Яштайкин

Завчувроста

П. Львов

Секретарь

В. Гущина⁷⁹.

В обоих случаях речь фактически идет о так называемом инициативном документировании, которое является важным компонентом в деятельности государственных архивов по комплектованию документами неофициального характера. Однако, понимая значимость происходящих событий и необходимость их фиксации с целью сохранения для потомков, инициаторы этих акций очевидно совершенно не связывали их с необходимостью организации дальнейшего архивного хранения полученных таким образом материалов.

И, наконец, еще одним камнем преткновения было отсутствие специального помещения под архив, без которого вопрос о централизованном хранении старых и вновь создающихся документов оставался не только открытым, но и напрямую сдерживал работу архивного органа в целом.

Примечательно, что и в решении данной проблемы руководство областью отдавало предпочтение музею, который еще весной 1921 г. разместился в одном из лучших зданий Чебоксар – в родовом гнезде купцов Ефремовых – трехэтажном особняке по ул. Карла Маркса. Наркомат просвещения РСФСР даже выдал ему 21 июня того же года охранную грамоту за подписью А.В. Луначарского, в которой указывалось: “Помещение, коллекции, библиотека, обстановка и прочий инвентарь ни в каком случае никакой реквизиции, конфискации, уплотнению и занятию кем-либо не подлежат. Исключительное право распоряжения хранящимися художественными коллекциями, обстановкой и прочим

инвентарем принадлежит управлению данного музея, которое действует с ведома и согласия Всероссийской коллегии”⁸⁰.

Ничего подобного в отношении выделения помещения под архив не наблюдалось. Лишь 30 ноября 1921 г., данная проблема была в какой-то степени решена: Президиум облисполкома Чувашской АО передал областному отделу народного образования “для устройства областного архива” здание Михаило-Архангельской церкви, в котором в то время размещался склад дров⁸¹. В условиях фактически начавшейся зимы освободиться это помещение могло не раньше весны следующего года. Да и областной отдел народного образования не проявил здесь никакой инициативы.

Положение стало меняться в лучшую сторону лишь после того, как исполком Чувашской АО получил 19 июня 1922 г. из Центрархива РСФСР Декрет ВЦИК об утверждении “Положения о Центральном архиве РСФСР” и письмо за подписью заместителя заведующего Центрархивом В.В. Адоратского, в котором запрашивались сведения об организации областного отдела Центрархива в Чувашии. В случае отсутствия такового предлагалось “приступить в срочном порядке к его организации, приняв вместе с тем немедленно все меры к действительной охране архивов на всей территории области”⁸².

Возможно не последнюю роль в ускорении решения проблемы создания архивного органа в Чувашии сыграло и все большее втягивание архивных учреждений России в сферу разворачивавшегося в этот период в стране глобального политического сыска в отношении бывших служащих царской охранки, представителей различных партий – оппонентов большевиков. Как отмечают исследователи, “в первой половине 20-х годов в архивы в общей массе поступает значительное количество запросов от следственного отдела Верховного трибунала ВЦИК, Центральной контрольной комиссии РКП(б), Государственного политического управления (ГПУ) и др.”⁸³.

На вероятность именно такого развития событий указывает делопроизводство Архивного бюро. Так, дела несекретного характера начинают формироваться здесь с февраля 1923 г., в то время как первый документ из секретной переписки относится к периоду, когда не только не существовало органа управления архивным делом, но и не был еще назначен его руководитель. Очевидно, что для проведения работ по

указанным запросам в Чувашии требовалось создать специальный орган, взять на учет все имевшиеся в автономной области архивы, сосредоточить их в одном месте и обеспечить управление этим документальным комплексом.

Как бы то ни было, Президиум облисполкома на своем заседании от 12 июля 1922 г. признал необходимым “организацию областного отдела Центрархива” и поручил областному отделу народного образования подыскать кандидатуру на должность заведующего этим органом⁸⁴. Однако поиск этот вновь затянулся. Лишь 16 декабря Президиум облисполкома Чувашской АО назначил на должность заведующего областным отделением Центрархива В.В. Тюмерова, да и то “в порядке совместительства”⁸⁵. Последнее обстоятельство повлияло на то, что вновь назначенный заведующий смог приступить к своим обязанностям через полтора месяца.

7 февраля 1923 г. он издал свой первый приказ, в котором указывалось: “На основании постановления президиума Исполнит. Комитета Чуваш. Автоном. Области от 16 декабря 1922 года (протокол № 4 ст. VI) с 1-го февраля с/г вступил в исполнение своих обязанностей по должности завед. Архивн. Бюро ЧАО⁸⁶ и приступил к организации последнего. Заведующий Архивн. Бюро ЧАО В.Тюмеров”⁸⁷. Данное событие фактически и стало началом постоянной деятельности архивных учреждений на территории Чувашии.

Таким образом, начальный этап архивного строительства в Чувашской Республике носил сложный, противоречивый и, подчас, драматичный характер. В целом, следует признать, что в период с 1918 по 1923 гг. здесь сложились неблагоприятные условия для организации и развертывания архивного дела. К числу внешних факторов следует отнести отсутствие сколько-нибудь заметного влияния на положение дел в Чувашии в этой области со стороны ГУАД. Ограниченность его возможностей в обеспечении реального управления и финансирования архивных учреждений на периферии создавали условия для проявлений местного правового нигилизма. Именно поэтому и декрет от 1 июня 1918 г. “О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике”, и ряд последующих нормативных правовых документов не оказали существенного влияния на положение дел в архивной сфере в Чувашии в рассматриваемый период.

Однако причину сложившейся ситуации следует искать не только в слабости правовой базы и ограниченных возможностях ГУАД. Не менее важное значение имели и внутренние особенности развития Чувашии. В первую очередь следует указать на отсутствие опыта государственного строительства, кадров специалистов, тяжелое экономическое положение Чувашской автономной области. Не последнюю роль сыграли и предпочтения местных органов власти, отданные археологическим и этнографическим изысканиям в крае. Отсутствовал здесь и такой мощный “катализатор”, как проблема собственности на архивы. Потенциально она могла стать своеобразной пружиной, способной привести в действие процесс правового урегулирования связанных с ней вопросов. Это вполне могло инициировать начало архивного строительства.

К числу важнейших факторов следует также отнести и то, что в указанный период местные архивы выпали из сферы общественных интересов. Причина этого явления – в еще не сформировавшемся отношении к архивам, недопонимании их роли и места в общественно-научной и культурной жизни края, отсутствии реального спроса на архивные документы. В тот момент они не представляли “ценности” и с точки зрения проведения массовых пропагандистских акций. Анализ рассекреченных документов Архивного бюро Чувашской АО позволяет также сделать вывод, что лишь после того, как политическая составляющая стала усиливаться в споре на ретроспективную информацию, заметили и определенные подвижки в организации архивного дела в Чувашии.

¹ Старостин Е.В. Не историки для архивов, архивы для историков // Вопросы истории. – 1988. – № 12. – С. 175–176; Селезнев М.С., Кузьмин С.И. О “новом” толковании текста ленинского декрета об архивном деле от 1 июня 1918 г. // Советские архивы. – 1989. – № 5. – С.38–41; Пшеничный А.П. О письме Е.В.Старостина в журнал “Вопросы истории” // Советские архивы. – 1989. № 6. – С.42–44; Старостин Е. В., Хорхордина Т. И. Мифы и реальность (Вокруг ленинского декрета “О реорганизации и централизации архивного дела”) // Вопросы истории. – 1991. – № 7–8. С.41–52.

² Нестеров В.А. Архивное строительство Чувашской АССР. Краткий очерк истории (1918–1973 гг.). – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1973.

³ Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. – СПб.: 1905. – Выпуск 7. – С.14.

⁴ Сидоров П.А. Сравнительная характеристика грамотности чувашского населения по данным переписей 1897 и 1926 гг. // Учен. зап. ЧНИИ. – Чебоксары, 1963. – Вып. 22. –

С.138; Федотов М.Р. О некоторых досадных искажениях. [О расхождении в публикациях показателей уровня грамотности чувашей до Октябрьской социалистической революции] // Советская Чувашия. – 1982. – 15 октября.

⁵ Мельникова С.А. Деятельность Симбирской губернской ученой архивной комиссии // Отечественные архивы. – 1999. – № 2. – С.32

⁶ Бобков В.Н. Ученые Казанского университета и архивы в первые годы Советской власти // Советские архивы. – 1989. – № 5. – С.46.

⁷ Барсов И. Бывший Николаевский девичий монастырь в г.Чебоксарах // ИОАИЭ. – Казань, 1898. – Т.ХIV. – Вып. 5. – С.519–535; Он же. Синодик Покровской церкви города Чебоксар // Известия по Казанской епархии. – 1895. – № ХVІІІ. – С.331–339; № ХІХ. – С.341–352; Он же. Сретенская Владимирская пустынь // Известия по Казанской епархии. – 1914. – № 27, 28, 30–32; Красовский В.Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии, 1372–1901. – Симбирск: Губ. учен. архивн. комиссия, 1901; Он же. Трехсотпятидесятилетие города Алатыря: Краткий исторический очерк. – Симбирск, 1902; Он же. Алатырский Свято-Троицкий мужской монастырь. – Симбирск, 1899; Кроковский А. Древнее историческое описание города Чебоксар // Казанские губернские ведомости. – 1858. – № 17. С.121–123; Он же. Синодик, хранящийся в библиотеке Чебоксарской Покровской церкви // Казанские губернские ведомости. – 1849. – № 22. – С.199–204; Михайлов С.М. Грамота об именовании встарь чуваш татарами // Казанские губернские ведомости. – 1854. – № 13 и др.

⁸ Бобков В.Н. Ученые Казанского университета и архивы ... – С.45–46.

⁹ Там же. С.44–45.

¹⁰ Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. Сборник документов. – Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1957. – С.107–108.

¹¹ Там же. С.114.

¹² ЦГА Чувашской Республики. Ф. Р 602. – Оп.2. – Д.23. – Л.223.

¹³ Там же. Ф. Р 611. – Оп.1. – Д.8. – Л.115.

¹⁴ Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии... – С.138.

¹⁵ Там же. С.157.

¹⁶ Там же. С.174.

¹⁷ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 1994. – С.52.

¹⁸ Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии... – С.193.

¹⁹ Там же. С.194.

²⁰ Там же. С.251.

²¹ ЦГА Чувашской Республики. Ф.Р 611. – Оп.1. – Д.8. – Л.102.

²² Цит. по: Бобков В.Н. Ученые Казанского университета и архивы ... – С.46.

²³ Там же. Л.77.

²⁴ Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу за время 15.VI.1918–15.VI.1920. – М.: ГУАД, 1921. – С.5.

²⁵ Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.) // Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М.: РГГУ, 2001. – С.313–380; Вяликов В.И. Архивное строительство в СССР (1917–1945): Учеб. пособие. – М., 1976; Козлов В.П. Архивная служба России и российская государственность: опыт 80 лет // Российское архивное дело. М.: Росспэн, 1999. – С.323–333; Максаков В.В. Архивное дело в первые годы советской власти. М., 1959; Он же. История и организация архивного дела в

СССР (1917–1945 гг.). – М.: 1969; Пшеничный А.П. О подготовке декрета “О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР” // Советские архивы. – 1987. – № 6. – С.16–23; Самошенко В.Н. Архивное дело в период построения социализма в СССР. 1917–1937: Учеб. пособие. – М., 1982; Сорокин В.В. Архивные учреждения СССР (1917–1937): Учеб. пособие. – М., 1982; Хорхордина Т. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. – М.: РГГУ. – 1994; Шмидт С.О. Вступительное слово [на Тихомировских чтениях 1978 г.] [о подготовке Декрета 1 июня 1918 г. “О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР”] // Археографический ежегодник за 1978 год. – М., 1979. – С. 122–126;

²⁶ Основные декреты и постановления Советского правительства по архивному делу. 1918–1982 гг. – М.: Главархив СССР, 1985. – С.6–7.

²⁷ Примечательно, что один из проектов документа, предложенный петроградскими архивистами, содержал пункт, который оговаривал возможность существования архивных органов на местах, или, как сказано в документе, “областных учреждений”. Правда с одной существенной оговоркой: они “образуются по мере надобности”. Положение о них предполагалось издать дополнительно. Но даже в таком виде этот пункт в принятый декрет не попал. (См.: Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М. РГГУ, 2001. – С.362–363)

²⁸ Основные декреты и постановления Советского правительства по архивному делу. 1918–1982 гг. – М.: Главархив СССР, 1985. – С.8–9.

²⁹ Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу... С.33.

³⁰ Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994. – С.69.

³¹ Там же. С.73.

³² Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу... С.4, 32.

³³ Бобков В.Н. Ученые Казанского университета и архивы ... – С.47.

³⁴ Там же.

³⁵ Крайская З.В. Организация архивного дела на местах в первые годы Советской власти (по РСФСР) // Труды МГИАИ. – Т.15. – М.: 1962. – С.245.

³⁶ Там же. С.33.

³⁷ Там же.

³⁸ Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области. Сборник документов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1960. – С.516.

³⁹ Там же. С.597.

⁴⁰ ЦГА Чувашской Республики. Ф.Р†125. – Оп.1. – Д.4. – Л.41 об.

⁴¹ Там же. Ф.Р-123. – Оп.1. – Д.7. – Л.87–87 об.

⁴² Там же. Ф.Р 123. – Оп.1. – Д.120. – Л.44 об.

⁴³ Там же, л. 42; Ф.Р 125. – Оп.1. – Д.10. – Л.209.

⁴⁴ Там же. Ф.Р 123. – Оп.1. – Д.154. – Л.179, 181.

⁴⁵ Там же. Д.120. – Л.62 об.

⁴⁶ Известия облисполкома и областкома РКП АЧО. – 1921. – 30 декабря.

⁴⁷ Подтверждение этим фактам автору этих строк удалось обнаружить при сломе старинных деревянных построек напротив Введенского собора в Чебоксарах в середине 80-х гг. Действительно при разборке стен под слоем обоев на бревнах сохранились фрагменты дореволюционных документов, относившихся, как следовало из текстов, к учреждениям

военного ведомства (возможно Чебоксарскому уездному по воинской повинности присутствию или Чебоксарскому уездному управлению воинских начальников). Не будет лишним отметить, что именно их архивные фонды значительно хуже сохранились, по сравнению с архивами аналогичных учреждений Цивильска и Ядрина.

⁴⁸ ЦГА Чувашской Республики. Ф. Р-123. – Оп.1. – Д.126. – Л.72 об.

⁴⁹ Там же. Оп.1. – Д.120. – Л.78, 97.

⁵⁰ Там же. Ф. Р-125. – Оп.1. – Д.3. – Л.69 об.

⁵¹ Там же. Ф. Р-123. – Оп.1. – Д.7. – Л.37 об.

⁵² Там же. Л.41 об. – 43 об.

⁵³ Известия облисполкома и областкома РКП АЧО. – 1921. – 18 февраля.

⁵⁴ ЦГА Чувашской Республики. Ф. Р-125. – Оп.2. – Д.96. – Л.39.

⁵⁵ Отчет о деятельности общества изучения местного края Чувашской автономной области за 1921–1923 годы. † Чебоксары: Об-во изучения местного края, 1921. – С.4–5.

⁵⁶ ЦГАО Чувашской Республики. – Ф.П-1. – Оп.2. – Д.21. – Л.27.

⁵⁷ ЦГА Чувашской Республики. Ф. Р-125. – Оп.1. – Д.10. – Л.47.

⁵⁸ Там же. Л.159 об.

⁵⁹ Там же. Л.217, 219.

⁶⁰ ЦГА Чувашской Республики. Ф.Р†819. – Оп.1. – Д.3. – Л.16 об.

⁶¹ Чувашия в годы гражданской войны... – С.583.

⁶² ЦГА Чувашской Республики. – Ф.Р-819. – Оп.1. – Д.1. – Л.59.

⁶³ Там же, л.60–60 об.

⁶⁴ Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917–1941 гг.). – М.: 1961. – С.17–18.

⁶⁵ Там же. С.18.

⁶⁶ Там же. С.19–20.

⁶⁷ Там же. С.20.

⁶⁸ Там же. С.18.

⁶⁹ Сборник руководящих материалов по архивному делу ... – С.20.

⁷⁰ Согласно докладу областного финансового отдела, который был направлен областному экономическому совещанию “общая сумма потребности в денежных знаках... для удовлетворения расходов всех учреждений и предприятий Автономной Области” на 1 октября 1921 г. равнялась 9414000000 руб. Реально же “поступило подкрепления из Центра и от клиентов всего в кассу облфинотдела 5736150608 руб. т.е. на 3677859392 руб. менее того, что требовалось”. При этом задолженность учреждений области населению составила 1531000000 руб. (ЦГА Чувашской Республики. Р-62. – Оп.1. – Д.1. – Л.80.)

⁷¹ Чувашский край – 1922. – 3 мая; ЦГА Чувашской Республики. Р-125. – Оп.1. – Д.16. – Л.101–102.

Выступивший на пленуме заведующий финансовым отделом И.А.Крынецкий сообщал: “Подготовительная работа по выработке местного бюджета велась Обфинотделом с января по апрель 1922 г. Бюджет был рассмотрен особой комиссией, выделенной Обисполкомом. Комиссия сделала сокращения в бюджете на 21,8%. Сметы вычислялись в советских расчетных знаках, принимая довоенный рубль за 1 млн. руб. знаками. После сокращений комиссия расходная часть местного бюджета выразилась в 808112000000 р., а доходная в 436107000000, таким образом дефицит равен 372005000000 р. (46,3%). Принимая условия в которых находится в этом году Чувашобласть, дефициту удивляться

не приходится. Расходы по учреждениям распределяются следующим образом: Обоно поглощает 50% всего бюджета, Обздрав - 12%, Земотделы - 12%, Коммуноотделы - 2% и Оботуправ - 13,7%. Из этих учреждений Обоно, Обздрав и Оботуправление дают только дефицит, доходов не имеют, Обземотдел и Коммуноотделы дают некоторую прибыль”.

Местная газета “Чувашский край” в связи с этим проинформировала своих читателей: “Доклад вызвал оживленные прения, которые велись главным образом около вопроса - чем покрыть дефицит. Одни высказывались, что необходимо сократить дефицит за счет учреждений, и в первую очередь за счет Обоно, урезав школьную сеть, другие предлагали – уничтожить полностью сельсоветы. Из прений довольно ясно выяснилось, что без субсидий от государства в нынешний тяжелый год на местные средства область прожить не сможет при всем желании.[...]”.

В итоге, в принятом по данному вопросу постановлении местный бюджет был утвержден “согласно заключения Обфинотдела и спецкомиссии Президиума Обисполкома, расходов в сумме – 8080112 миллионов рублей, доходов 436107 миллионов рублей с дефицитом 372005 миллионов рублей”. При этом все учреждения, внесенные на содержание в местный бюджет, обязывались “соблюдать строжайшую дисциплину в расходовании денежных сумм, предусмотренных сметами, не выходя из рамок сметных предположений”.

⁷² Известия облисполкома и областного РКП АЧО. – 1921. – 23 октября.

⁷³ Чувашский край. – 1922. – 23 февраля.

⁷⁴ ЦГА Чувашской Республики. Ф. Р-819. – Оп.1. – Д.1. – Л.181.

⁷⁵ Основные декреты и постановления Советского Правительства по архивному делу... – С.9.

⁷⁶ ЦГА Чувашской Республики. Ф. Р-819. – Оп.1. – Д.3. – Л.15.

⁷⁷ Савин В.А. “Хранить нельзя уничтожить”. Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР СССР. 1918–1950-е годы. – М.:2000. – С.18.

⁷⁸ ЦГА Чувашской Республики. Ф.Р-123. – Оп.1. – Д.7. – Л.121.

⁷⁹ Там же. Д.208. – Л.168.

⁸⁰ Там же. Ф.Р-235. – Оп.1. – Д.11. – Л.4.

⁸¹ Там же. Ф.Р-125. – Оп.1. – Д.10. – Л.252.

⁸² Там же. Оп.2. – Д.96. – Л.10.

⁸³ Корнеев В.Е., Копылова О.Н. “Архивы на службе тоталитарного государства (1918 — начало 1940-х гг.)” // “Отечественные архивы”. – 1992. – № 3. – С.14.

⁸⁴ ЦГА Чувашской Республики. – Ф.Р-125. – Оп.1. – Д.16. – Л.180 об.

⁸⁵ Там же. Д.19 – Л.17.

⁸⁶ Очевидно к моменту назначения В.В. Тюмерова на должность заведующего областным отделением Центрархива “Временное положение о губернских (областных) архивных бюро”, принятое ВЦИК 20 ноября 1922 г., в Чувашию еще не поступило. Поэтому изменение названия органа управления архивным делом было произведено в рабочем порядке самим Тюмеровым.

⁸⁷ ЦГА Чувашской Республики. Ф.Р-819. – Оп.6. – Д.1. – Л.1.